

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Международный институт центральноазиатских исследований
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави
Акима́т Туркестанской области
Казанский федеральный университет
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН)
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДО РАН
Алтайский государственный университет
Национальный археологический институт и музей (Болгария)

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда

материалы V международного конгресса
археологии евразийских степей

(г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)

Том 1

Алматы – Туркестан
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 89

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
А.Г. Ситдиков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М.Е. Елеуов, доктор исторических наук, профессор
Т.В. Савельева, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат
исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук;
Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD);
А.К. Айткали, доктор философии (PhD)

Е 89 **Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда.**
Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан,
11 – 14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
2022. Т. 1. 312 с.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-62-1

Сборник материалов Конгресса включает материалы по памятникам эпохи палеометалла
огромной территории Евразийских степей, публикации отражают такие вопросы, как культурно-
исторические процессы, экономика и социальные реконструкции, взаимоотношения
земледельческих и степных культур, искусство.

Книга представит несомненный интерес для археологов, историков, студентов исторических
специальностей.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-62-1

УДК 902/904
ББК 63.4

А. В. Поляков

Андрей Владимирович Поляков,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия; poliakov@yandex.ru

Культурно-исторические процессы на северо-восточной окраине Евразийских степей в эпоху палеометалла*

Аннотация. В статье представлены результаты исследований последнего времени, характеризующие культурно-исторические процессы, происходившие на территории Минусинских котловин на протяжении эпохи палеометалла (XXX–IX вв. до н.э.). На сегодняшний день не остаётся сомнений в ключевой роли миграционных процессов при формировании древнего населения, оставившего памятники этого времени. Каждая новая археологическая культура несёт на себе следы появления нового населения, отличающегося как генофондом, так и культурными признаками. Это в корне меняет наши традиционные представления об исторических процессах, происходивших в этот период на северо-восточной окраине Евразийских степей.

Ключевые слова: археология, эпоха палеометалла, Минусинские котловины, культурно-исторические процессы, культурогенез, хронология

Андрей Владимирович Поляков,
PFA Материалдық мәдениет тарихы институты,
Санкт-Петербург, Ресей

Палеометалл кезеңіндегі Еуразия далаларының солтүстік-шығыс шетіндегі мәдени-тарихи процестер

Аннотация. Бұл мақалада палеометалл кезеңі бойы (б.д.д. XXX–IX ғғ.) Минусинск бассейні аумағында орын алған мәдени-тарихи процестерді сипаттайтын зерттеулердің соңғы нәтижелері келтірілген. Қазіргі уақытта осы кезең ескерткіштерін қалдырған ежелгі тұрғындардың қалыптасуында көші-қон процестерінің шешуші рөл атқарғандығына күмән жоқ. Әрбір жаңа археологиялық мәдениет өзінде мәдени белгілерімен де, генофондымен де ерекшеленетін жаңа тұрғындардың пайда болуының іздерін қалдырады. Бұл осы кезеңде Еуразия даласының солтүстік – шығыс шетінде болған тарихи үдерістер туралы дәстүрлі түсінігімізді толығымен өзгерттеді.

Түйін сөздер: археология, палеометалл кезеңі, Минусинск қазаншұңқыры, мәдени-тарихи процестер, мәденигенез, хронология

Andrei Poliakov,
Institute for the History of Material Culture RAS,
Saint-Petersburg, Russia

Cultural-historical processes on the north-eastern fringe of the Eurasian steppes in paleometal period

Abstract. This paper presents the latest results of the research describing the cultural-historical processes, that were taking place in the territory of the Minusinsk Hollows during the paleometal period (30th–9th centuries BC). At present there is no doubt, that the migration processes played a key role in the formation of the ancient

---

© 2022 Поляков А.В.

*Работа выполнена в рамках выполнения темы государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие»

population contributed to creation of the sites of this period. Every new archaeological culture bears evidence of the appearance of a new population which is characterized by its own cultural attributes and a gene pool. This knowledge completely changes our understanding of the historical processes occurred during this period on the north-eastern fringe of the Eurasian steppes.

Keywords: archaeology, paleometal period, Minusinsk Hollows, cultural-historical processes, cultural genesis, chronology

Евразийский степной пояс - уникальное природно-географическое явление, оказавшее огромное влияние на культурно-исторические процессы, происходившие практически на всей территории Евразии. Это совершенно особый мир, сформировавший целые народы, обладающие особыми навыками жизни в данном пространстве. При наличии отчётливо ощутимых единых традиций, охватывающих весь степной пояс (например, кочевой образ жизни), существуют и свои особенности в каждом из регионов.

Так совершенно особый «осколок» евразийских степей представляют собой Минусинские котловины в среднем течении р. Енисей (рис. 1). Их отличает относительная изолированность горными отрогами Восточного и Западного Саяна, а также Кузнецкого Алатау. Единственный лесостепной коридор связывает их с Западной Сибирью. Вторая важная особенность природно-климатических условий этого региона — близость различных природных зон: степей, лесостепей и тайги, а также богатство водными ресурсами. Это позволяло древнему населению Минусинских котловин в эпоху палеометалла диверсифицировать свою хозяйственную модель. Основным методом ведения хозяйства являлось скотоводство, но его значительно обогащала возможность добывать пищу и другие необходимые ресурсы охотой, рыболовством, собирательством, а на поздних этапах и земледелием.

К сожалению, не смотря на очень высокую степень археологической изученности этой территории, наши знания о неолитическом населении остаются минимальными. До сегодняшнего дня не известно ни одного достоверного погребения, которое можно было бы с уверенностью отнести к периоду до эпохи палеометалла. Вся имеющаяся информация базируется на случайных находках и не стратифицированных артефактах в слоях памятников, содержащих более поздние материалы афанасьевской и окуневской культур. Таким образом, культура населения Минусинских котловин до момента начала сложения эпохи палеометалла практически не исследована.

На сегодняшний день нет сомнений в том, что формирование афанасьевской культуры на Среднем Енисее носит миграционный характер. Минусинские котловины являются только самым северным краем огромной ойкумены, заселённой представителями народа, оставившего эти памятники. Курганы афанасьевской культуры сейчас известны не только в Горном Алтае и на Верхнем и Среднем Енисее. Они представлены также в Центральной и Западной Монголии, Северо-Западном Китае и Восточном Казахстане [Вадецкая и др. 2014; Ковалёв 2017; 2019; Мерц 2021]. Это очень обширный регион, в разных частях которого памятники афанасьевской культуры имеют свои отличия. Более того, уже установлено, что наблюдаются различия и в их хронологии. Так, афанасьевские памятники Горного Алтая по данным радиоуглеродного датирования (AMS) оказались в целом более древними, чем исследованные объекты Среднего Енисея [Поляков и др. 2019; Poliakov et al. 2019]. Таким образом, Минусинские котловины не могут быть местом формирования афанасьевской культуры.

Территория Среднего Енисея примерно в XXX в. до н.э. была заселена новым населением, что и положило начало эпохе палеометалла. По данным антропологии представители этой новой культуры относились к европеоидной расе и отличались высоким ростом и очень крепким телосложением [Солодовников, Эрдэнэ 2022]. Они являлись носителями навыков и традиций ранее здесь не известных. В первую очередь, это производящая хозяйственная модель, основанная на

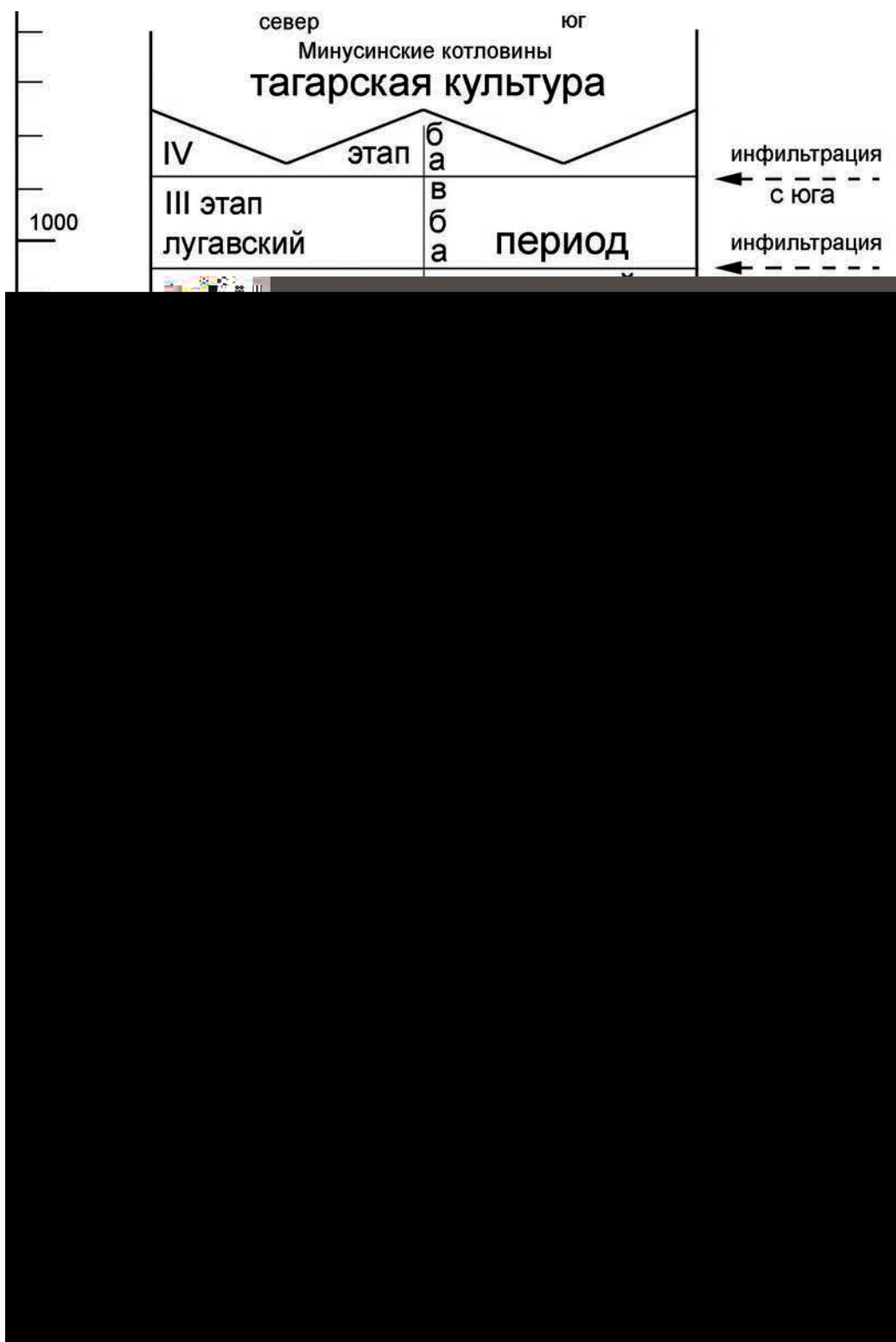

Рис. 1. Хронологическая схема культуuroгенеза и развития археологических памятников Минусинских котловин в эпоху палеометалла

скотоводстве. Основу стада составлял мелкий рогатый скот — овцы [Поляков 2022: 44–45]. Второе место по значимости занимала корова, возможно, игравшая важную роль как транспортное средство. На поселениях представлен заметный процент костей лошади, однако, вопрос об её одомашнивании пока остаётся открытым. Вторым важнейшим навыком, ранее не известным в Южной Сибири, была металлургия. На Алтае зафиксированы следы добычи медной сульфидной руды, что предполагает довольно продвинутый уровень металлургии [Баженов и др. 2002]. Однако, судя по найденным в могилах изделиям, представители афанасьевской культуры работали с различными самородными металлами: серебро, золото, и даже использовали метеоритное железо. Наконец третьей составляющей этого новаторского культурного комплекса была развитая погребальная традиция, курганного типа. От традиционного сибирского неолита её отличает активное использование камня, обособление оградой особого пространства, возведение значительного надмогильного сооружения и многие другие детали.

Одним из сложнейших вопросов остаётся проблема истоков этого нового населения, заселившего значительную часть Центральной Азии. По данным антропологии и палеогенетики его происхождение имеет восточноевропейские корни. Установлена его тесная связь с древними людьми, оставившими памятники ямной КИО [Хохлов и др. 2016; Rasmussen et al. 2015]. Рассматриваются различные варианты их взаимодействия: от прямой миграции части ямного населения на восток до их формирования на основе общего, ещё не выявленного источника.

Наиболее сложный для изучения вопрос это взаимодействие пришлого афанасьевского населения с местными аборигенами, носителями неолитических традиций. Как уже отмечалось, для Минусинских котловин памятники эпохи неолита практически не изучены, поэтому в своих выводах приходится опираться исключительно на данные по афанасьевской культуре. Но даже на основе этих материалов нет сомнений в том, что контакты были минимальными. По данным антропологии и палеогенетики, никаких следов инкорпорирования представителей неолита в новое общество не выявлено. Также не наблюдается какого-то обмена артефактами или технологиями. Единственное свидетельство «контакта» — это кремнёвые наконечники стрел и дротиков, изредка встречающиеся в костях погребённых афанасьевской культуры и свидетельствующие о том, что взаимодействие двух групп населения носило конфликтный характер.

Таким образом, афанасьевская культура демонстрирует классическую модель миграционного формирования. В Минусинских котловинах появляется новое население со своими артефактами, навыками, традициями и религиозно-мифологическими представлениями. Они никаким образом не ассимилируют местные неолитические племена, а, вероятнее всего, истребляют их и оттесняют на таёжную периферию, которую афанасьевцы не в состоянии занять в виду скотоводческой модели хозяйствования.

В XXVI в. до н.э. в Минусинских степях появляются курганные захоронения совершенно нового типа, не имеющие ничего общего с предшествующими афанасьевскими сооружениями. Они объединяются в понятие окуневская археологическая культура. Г.А. Максименков, выделивший и описавший эти памятники, считал, что они оставлены местным постнеолитическим населением [Максименков 1975]. Согласно его концепции, афанасьевские мигранты вытеснили неолитические племена из Минусинских котловин на северо-восток в район Канско-Рыбинской котловины. После чего произошёл продолжительный период их взаимодействия, в процессе которого неолитические охотники освоили скотоводство и металлургию меди, и затем вернулись в Минусинские котловины, вытеснив оттуда афанасьевские племена. Г.А. Максименков называл этот процесс «первобытной реконкистой» [Максименков 1975: 37]. Эта гипотеза полностью находилась в русле

автохтонистского подхода, господствовавшего в тот период в археологии, исключавшего перемещение больших масс людей.

Однако такой взгляд на формирование окуневской культуры очень плохо сочетался с объективной картиной, которую наблюдали археологи, исследовавшие эти памятники [Поляков 2020a]. В частности, уровень металлургии меди окуневской культуры на порядок выше, чем у афанасьевской. Не удаётся найти точек соприкосновения в конструкциях погребальных сооружений. Для курганов афанасьевской культуры характерны индивидуальные круглые ограды, преимущественно из горизонтально уложенных плит песчаника. Окуневскую культуру отличают исключительно квадратные сооружения из каменных блоков или вертикально вкопанных плит. Для их самых ранних захоронений характерны особенные типы конструкций могил: ямы с заплечиками и катакомбы. Ничего подобного в Южной Сибири до этого не было известно. Таким образом, закономерно возникает вопрос, как афанасьевские племена могли научить местных аборигенов тому, чего сами не знали. В результате, уже с 90-х годов прошлого века сформировалась и начала развиваться концепция миграционного сложения окуневской культуры.

На сегодняшний день в результате активного изучения материалов этой культуры удалось выделить три последовательных хронологических этапа в её развитии [Лазаретов 1997; Савинов 2005; Poliakov, Lazaretov 2020; Поляков 2022: 151–178]. Рассмотрение материалов наиболее раннего из них, уйбатского, позволяет обоснованно изучать вопросы происхождения культуры, что позволяет вывести дискуссию на совершенно новый уровень. В частности установлено, что с точки зрения антропологии наиболее ранние представители этой группы населения имеют европеоидные черты, которые, однако, нельзя связывать с афанасьевским населением [Громов 2002; Громов и др. 2021]. Отсутствие связи с предшествующим населением Минусинских котловин подтверждается и данными палеогенетики. Согласно полученным результатам, связь между афанасьевскими и окуневскими популяциями по женской линии (mtДНК) отсутствует полностью, а по мужской (Y-ДНК) составляет 10–20% [Поляков, 2019: 99–100]. Это позволяет утверждать, что при смене культур произошла практически полная смена населения.

Подтверждают эту точку зрения данные по технологиям и материальной культуре. Ранний этап окуневской культуры отличает новый уровень металлургии меди, а также принципиально иной погребальный обряд, кардинально отличающийся от афанасьевского. На смену персональным курганам с круглой оградой приходят квадратные ограды-кладбища, на площади которых может производиться до 10–15 захоронений. Появляются совершенно новые типы погребальных сооружений: ямы с заплечиками и катакомбы. Фиксируется традиция проникновения в могилы с целью подзахоронений и перемещения костей погребённых [Лазаретов и др. 2018]. Кардинально меняется керамическая традиция [Иванова 1968; Степанова, Поляков 2017]. В погребениях фиксируется совершенно иной набор артефактов, зачастую ранее в Южной Сибири не известных. В самых ранних погребениях появляется мощнейший пласт окуневского искусства, не находящий своих корней в афанасьевской среде. То есть практически все элементы погребального обряда изменяются и не находят точек соприкосновения.

Таким образом, нет сомнений, что формирование окуневской культуры связано с новой миграционной волной с запада. Эти мигранты были представлены европеоидным населением, использующим схожую с афанасьевской моделью скотоводства. Однако главное их отличие заключалось в открытости общества как инкорпорированию представителей других племён, так и новым технологиям. В отличие от «закрытого» афанасьевского общества они охотно контактировали со своим окружением, и именно эта черта обуславливала большую динамику изменений в обществе. Выделенные этапы имеют яркие характерные признаки, которые позволяют видеть всю схе-

му развития и, в перспективе, рассчитывать на построение ещё более дробной хронологической схемы культуры [Лазаретов 2019].

Наиболее яркой иллюстрацией этой особенности культуры являются процессы, произошедшие примерно в середине уйбатского этапа (тасхазинский хронологический горизонт по новой схеме И.П. Лазаретова). В этот момент в могилах окуневской культуры появляются погребения женщин резко выраженного монголоидного облика. С этой новой группой связаны артефакты и явления, которые традиционно относят к неолитической традиции. В первую очередь, это огромное количество украшений одежды в виде нашивных зубов различных животных. Иногда в одной могиле их может насчитываться до нескольких сотен. Во-вторых, появление керамики с круглым дном, чего ранее в окуневских материалах не наблюдалось. В-третьих, изображения традиционных таёжных животных: медведя и лося. Можно предположить, что это были представители постнеолитического населения, сохранявшегося по таёжной периферии Минусинских котловин, куда они были оттеснены ещё афанасьевскими племенами.

В дальнейшем антропологи фиксируют активные процессы метисации, которые приводят к тому, что уже на черновском этапе антропологический тип населения окуневской культуры рассматривается как гомогенный, но представляющий собой смесь европеоидных и монголоидных признаков. Возможно, именно это вливание населения с традициями охотников и собирателей привело к тому, что на черновском этапе заметно возрастает роль охоты и рыбной ловли в хозяйственной модели окуневского населения [Поляков 2022: 121]. Это проявляется в появлении в могилах наконечников стрел и большого числа гарпунов, а также других рыболовных инструментов (грузы для сетей, иглы для вязания сетей, крючок и т. п.).

Стоит отметить, что на протяжении всей окуневской культуры наблюдается не только высокая динамика изменений культурных признаков, но и появление уникальных элементов, которые никак не могли вырваться в окуневском обществе самостоятельно. Например, технология изготовления бронзовых изделий, которая появляется только на черновском этапе. Точно также на разливском этапе внезапно появляется традиция затылочной трепанации [Поляков 2021a]. Вероятно, это связано с появлением новых контактов и, возможно, даже вливанием в состав окуневской культуры новых групп населения, носителей этих традиций.

В XVII в. до н.э. на Среднем Енисее появляется совершенно новая группа населения, оставившая памятники андроновской КИО [Максименков 1978]. Никто из исследователей не сомневается, что эти коллективы пришли с запада, из казахстанских степей, пройдя через Западную Сибирь. Более того, удалось проследить, что они проникли в Минусинские котловины с северо-запада по единственному лесостепному коридору и, продвигаясь с севера на юг, достигли места впадения р. Абакан в Енисей. Южнее памятники этой культуры пока представлены только единичными курганами, что ставит перед учёными очень сложную проблему. Не ясно, кто же занимал в период XVII–XV вв. до н.э. эти обширные территории [Поляков 2020б].

Европеоидные племена, оставившие памятники андроновской культуры, также были скотоводами, но их хозяйственная модель заметно отличалась от предшествующих афанасьевских и окуневских племён. Её основа была с опорой на разведение крупного рогатого скота и лошадей, которые преобладали в стаде. Есть основания полагать, что они использовали стойловое зимнее содержание, что заметно изменяет требования к размещению поселений. Крайне интересной, но пока ещё мало изученной, обрядовой чертой является совершение кремаций части погребённых. Можно констатировать, что по своим культурным признакам пришельцы не имеют никаких переключек с местным окуневским населением.

Памятники андроновской культуры очень хорошо изучены в Восточном Казахстане и Западной Сибири, где они представляют собой очень мощный культурный пласт, гораздо более продолжительный, чем на Среднем Енисее. Это связано с тем, что процесс продвижения андроновских племён на восток происходил довольно медленно и в Минусинских котловинах, крайней северо-восточной точке своей экспансии, они появились, когда западнее их история уже насчитывала не одну сотню лет. Андроновский «мир» в период своего максимального расширения охватывал огромные пространства евразийских степей к востоку от Каспийского моря. Новейшие исследования китайских коллег демонстрируют интереснейшие и обширные памятники этой культуры в Синьцзяне, что открывает совершенно новые горизонты исследований.

Наиболее интересный и сложный вопрос — это контакты андроновских мигрантов с окуневским населением. На сегодняшний день на материалах погребальных памятников не удаётся проследить какого-либо взаимодействия. Андроновские памятники обладают своим совершенно уникальным погребальным обрядом, конструкциями и сопроводительным инвентарём. Ни в одном случае пока не было прослежено в составе андроновских памятников элементов окуневского погребального обряда или инвентаря. Также по данным антропологии и палеогенетики не прослежено каких-то связей этих двух популяций, что указывает на 100% смену населения. Точно также и в позднеокуневских захоронениях разлиевского этапа не наблюдается каких-либо признаков их знакомства с представителями андроновских племён. Единственное, что можно отметить, это несколько случаев, когда в телах погребённых в андроновских курганах были обнаружены кремнёвые наконечники стрел, характерной для окуневской культуры формы. Это позволяет предполагать существование вооружённого противостояния. На это же могут указывать наличие целой сети окуневских горных крепостей «све», которые возможно были построены в качестве реакции на андроновское вторжение [Готлиб, Подольский 2008].

Интересно отметить, что в Западной Сибири андроновское население совершенно иначе взаимодействовало с коренным населением. Там наблюдается их теснейшее взаимодействие и взаимное перетекание культурных признаков, выражающееся, в том числе, и в перекрёстных браках [Молодин и др. 2013: 27–35; Журавлёв и др. 2017]. Таким образом, необходимо констатировать, что на разных территориях андроновские племена использовали различную тактику их захвата. Где-то происходила взаимная ассимиляция с местным населением, а где-то территория очищалась военными методами.

Период пребывания андроновского населения на Среднем Енисее, по данным радиоуглеродного анализа, составляет не более 200–300 лет (XVII–XV вв. до н.э.). Так же, как и афанасьевские племена, на всём протяжении этого времени они сохраняли замкнутость коллективов, не включая в свой состав представителей местного населения. Учитывая данный фактор, а также короткий срок пребывания, неудивительно, что пока не предложено каких-либо хронологических схем, показывающих процессы, протекающие в андроновском обществе. Динамика изменений была не очень высока и ожидать на современном уровне знаний построения какой-либо хронологической шкалы пока не приходится.

Очередная, уже четвёртая волна мигрантов–скотоводов с запада появляется в Минусинских котловинах ближе к концу XV в. до н.э. [Поляков 2006; 2020в; 2021б; 2022]. Её носителей следует причислять к постандроновскому пласту культур в широком смысле этого термина. Однако, в отличие от андроновской (фёдоровской) культуры Среднего Енисея, они имеют отдельные признаки связей с алакульской ветвью этой КИО. То есть эти племена были хоть и дальними, но родственниками, что, возможно, облегчало вопросы коммуникации. Складывается впечатление, что андроновские племена добровольно уступили новым мигрантам пограничные территории в

Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах, а сами отступили на северо-запад в Назаровскую котловину, где продолжали проживать ещё некоторое время [Поляков 2008]. К сожалению, пока так и не ясно, кто занимал в этот период самую южную собственно Минусинскую котловину, хотя наиболее вероятно, что это были окуневские племена.

Долгое время древнее население, проживавшее на Среднем Енисее в период между андроновской и тагарской культурами, рассматривали как единую популяцию, оставившую памятники «карасукской культуры». Однако уже в 60-х годах прошлого века начали появляться гипотезы, предполагающие совершенно различное происхождение самостоятельных групп в составе этого обширного конгломерата. Действительно, современные данные не позволяют рассматривать весь этот период в рамках эволюционного процесса одной культуры. Финал эпохи бронзы на Среднем Енисее знаменуется значительным повышением мобильности населения, что, вероятно, следует связывать с новыми этапами в освоении лошади как транспортного средства. В это время на Енисей постоянно проникают различные коллективы со своим культурным багажом и значительно меняют общий культурный ландшафт. В результате термин «карасукская культура» полностью размывается, характеризуя совершенно разные по своему происхождению и культурным признакам группы населения. На сегодняшний день выделяются четыре последовательных хронологических этапа, охватывающие период с конца XV по IX в. до н.э. (свыше 600 лет). В связи с этим термин «карасукский» предлагается сохранить только за наиболее ранней группой мигрантов, открывших историю этого периода на Енисее (I этап).

Это новое население появилось в Минусинских котловинах с запада в самом конце XV в. до н.э. и, вероятно, было пропущено андроновскими племенами сквозь свои территории до самой границы их ойкумены. Культура переселенцев имела очень чёткие, хорошо выработанные и устоявшиеся признаки, заметно отличающие их от андроновских предшественников [Поляков 2009]. При сходном уровне развития скотоводства наблюдается более высокая степень знаний металлургии в сочетании с изготовлением предметов из оловянистых бронз. В большинстве случаев они продолжали андроновские кладбища, строя свои курганы на их периферии. Сходство хозяйственного уклада подтверждается идентичным ареалом памятников, далеко не отходящих от крупных водных источников и не зафиксированных в подтаёжной зоне. Освоившись на границе, они начинают теснить своих противников, основывая поселения всё южнее, уже на территории самой южной собственно Минусинской котловины. Вероятно, к концу I этапа ППБ вся территория Минусинских котловин была под их полным контролем.

Именно захват южных территорий и выход к путям сообщения с долинами Верхнего Енисея стал переломным моментом. С южного направления начинается активная экспансия новых технологий, предметов и традиций, оказавших колоссальное влияние на всю культуру населявших Минусинские котловины людей. Начинается II этап ППБ на Среднем Енисее, который следует называть карасук-лугавским. Его начало можно предположительно относить к XIII в. до н.э. С одной стороны, сохраняется основное «карасукское» население, а на севере и многие традиции предшествующего периода, с другой стороны, в южной части ареала происходит решительная смена многих культурообразующих признаков (изменяется традиция орнаментации керамики, полностью преобразуется традиционный женский костюм, на юге нарастает число погребений с диаметрально противоположной ориентировкой и т. д.). Вместе с этими новыми вещами и традициями на Средний Енисей начинают проникать и отдельные коллективы, которые иногда удаётся проследить в виде обособленных групп захоронений на кладбищах [Грязнов и др. 2010: 83–94]. Наиболее интересен синтез предметов и признаков, который характеризует эту культурную «волну». Она представлена сочетанием вещей явно андроновского происхождения и предметов, име-

ющих аналогии в памятниках эпохи Шан–Инь Северного Китая. Именно в этот период на территории Среднего Енисея появляются первые псалии, знаменующие приближение начала новой эпохи ранних кочевников. Вероятно, появление андроновских по своему происхождению предметов со стороны Верхнего Енисея является отражением юго-восточного направления андроновской миграции и тесно связано с территорией Синьцзяна.

В XI–X вв. до н.э. в истории Минусинских котловин происходит ещё одно изменение, которое характеризует начало III (лугавского) этапа ППБ, памятники которого М.П. Грязнов объединял в понятие каменнолошского этапа, а Н.Л. Членова — лугавской культуры [Лазаретов 2006]. С того же южного направления на Средний Енисей проникают группы нового населения, оказавшие огромное влияние на местных жителей. Наблюдаются значительные изменения в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре. Постепенно утрачивается традиция использования плит песчаника. Погребальные сооружения возводятся из обломочного камня и дерева. Изменяется ориентировка погребённого на противоположную (головой на ЮЗ), а уникальное положение тела вполоборота меняется на вытянуто на спине. В корне изменяется керамическая традиция. В могилах устанавливают крупные сосуды яйцевидных форм с расчёсами по поверхности, не имеющие ничего общего с керамикой I и II этапов. Появляется значительное число новых категорий металлических изделий, изготовленных из мышьяковистой меди. Присадка олова встречается крайне редко и является, вероятно, следствием переплавки предметов более ранних этапов, а не намеренной лигатурой. Коренные изменения происходят в хозяйственном укладе. Наблюдается решительный переход от крупных поселений, которые реконструируются на основании огромных могильников, к очень небольшим мобильным группам, которые осваивают не только центральные речные долины, но и все самые отдалённые уголки Минусинских котловин. Вероятно, причина этого кроется в резко возросшей мобильности.

Наконец, IV этап ППБ Среднего Енисея датируется IX в. до н.э. и характеризуется весьма небольшой группой памятников («типа Баинов Улус»), с одной стороны наследующих многочисленные признаки периода поздней бронзы, а с другой — показывающих знакомство с зарождающейся скифской эпохой. В этот момент по отдельным признакам можно реконструировать инфильтрацию на Енисей новых мигрантов со своими особыми признаками. М.П. Грязнов относил данные памятники к раннескифскому периоду, считая их доказательством связи тагарской культуры с эпохой бронзы. Однако новые исследования продемонстрировали, что между ними и непосредственно раннескифскими памятниками существует весьма заметная граница, которая не позволяет объединять их в одну культуру [Лазаретов 2007]. Население, оставившее тагарскую культуру, является пришлым в Минусинских котловинах. Оно появилось здесь с уже полностью сформировавшимися культурными признаками, большинство из которых не имеют следов местного происхождения. Можно предположить, что памятники IV этапа ПБ Среднего Енисея оставлены населением, наследниками эпохи бронзы, которые проживали здесь уже в раннескифскую эпоху, отчасти параллельно с захватившими эти земли тагарскими племенами. Финал эпохи палеометалла Среднего Енисея можно уверенно относить к концу IX в. до н.э.

Описанная выше картина входит в острое противоречие с традиционным взглядом на развитие археологических культур Среднего Енисея, сформировавшимся на протяжении исследований середины прошлого века. Многие крупнейшие археологи, такие как М.П. Грязнов и Г.А. Максименков, находились на позициях автохтонизма, предполагающего отсутствие движения больших масс населения. Смена археологических культур рассматривалась ими как эволюционный процесс, не затрагивающий основу сформировавшейся на этой территории популяции. Однако современные

данные при поддержке результатов применения естественнонаучных методов, в первую очередь палеогенетики, полностью исключают подобный подход.

Можно констатировать, что практически все культурно-исторические процессы на территории Минусинских котловин в эпоху палеометалла имели в своей основе мощнейшие миграционные движения. По крайней мере трижды наблюдалось практически полное замещение населения этого удивительного региона. Теперь эти результаты подтверждены данными не только антропологии, но и палеогенетики. Только при смене афанасьевской и окуневской культур наблюдается небольшой процент автохтонов (исключительно мужчин), инкорпорированных в новые коллективы.

Процессы, которые, происходили на Среднем Енисее в конце эпохи палеометалла, пока ещё недостаточно изучены. Однако можно утверждать, что модель формирования новых коллективов серьёзно изменилась. По-прежнему фиксируются интенсивные инфильтрации новых групп населения (по крайней мере, три волны), однако они не приводят к полному замещению населения. Все эти вливания идут с южного направления. В результате именно в южных районах наблюдается наибольшее число новых культурных признаков. В то же время в северные районы эти новации доходят в значительно меньшей степени и оставляют не такой яркий след.

Предварительно, можно реконструировать следующую картину. В XIV–XIII вв. до н.э. с южного направления через Западный Саян в Минусинские котловины начинают проникать новые группы населения, носители особых культурных традиций. Однако они не истребляют местных аборигенов, а начинают активно с ними взаимодействовать, что запускает процессы ассимиляции. Вероятно, в виду ограниченности их численности, они не проникают далеко на север котловин и там остаётся большая доля коренного населения, сохраняющего свои традиции. Это приводит к тому, что в южных районах процессы культурной трансформации идут гораздо быстрее, чем на севере.

ЛИТЕРАТУРА

- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск: ТомГУ, 2002. 119 с.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис Принт, 2008. 222 с.
- Громов А.В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 34 с.
- Громов А.В., Казарницкий А.А., Лазаретова Н.И., Хохлов А.А. Население Минусинской котловины в эпоху бронзы по данным краниоскопии (к вопросу о происхождении окуневской культуры) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 151-153.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с.
- Журавлёв А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (фёдоровского) и постандроновского населения Южной Сибири // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. III. С. 37-40.
- Иванова Л.А. О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур // СА. 1968. № 2. С. 251-254.
- Ковалёв А.А. Афанасьевская культура в Синьцзяне // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 245-267.

- Ковалёв А.А. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 188-209.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19-64.
- Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.
- Лазаретов И.П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. 2007. Вып. 14. С. 93-105.
- Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТипАИ. 2019. № 4 (28). С. 15-50.
- Лазаретов И.П., Морозов С.В., Поляков А.В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. СПб.: ИИМК РАН, ГосЭрмитаж, 2018. С. 51-56.
- Максименков Г.А. Окуневская культура: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 191 с.
- Мерц И.В. Афанасьевские памятники Восточного Казахстана // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. М-лы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2021 г.) / Отв. ред. А.В. Поляков, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 39-42.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлёв А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.
- Поляков А.В. Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Поляков А.В. Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников “классического” этапа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 440-442.
- Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 90-109.
- Поляков А.В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // ТипАИ. 2019. № 2 (26). С. 91-108.
- Поляков А.В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020а. № 1 (25). С. 3-6.
- Поляков А.В. Проблема финала окуневской культуры // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2020б. Т. 1. С. 323-324.
- Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2020в. 54 с.
- Поляков А.В. К вопросу о выделении разлиевского этапа окуневской культуры // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021а. С. 170-175.
- Поляков А.В. Миграционная концепция сложения карасукских памятников на Енисее // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров, Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021б. Т. 3. С. 176-185.

- Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181-187.
- Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТиПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28-34.
- Солодовников К.Н., Эрдэнэ М. Феномен высокорослости афанасьевцев Алтая и Хангая: влияние среды или восточно-европейское наследие // Stratum Plus. 2022. № 2. С. 373-394.
- Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников оз. Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. 2017. Т. XXIII. С. 405-408.
- Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 86-106.
- Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // JAS: Reports. 2020. Vol. 29. № 102125.
- Poliakov A.V., Svyatko S., Stepanova N.F. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the “shorter” chronology // Radiocarbon. 2019. Vol. 61, Issue 1. P. 243-263.
- Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., ..., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163, Issue 3. P. 571-582.

О. Н. Корочкова

Ольга Николаевна Корочкова,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия; Olga.Korochkova@urfu.ru

Среднее Зауралье на переломе эпох: от камня к металлу*

Аннотация. В центре внимания возможные модели внедрения металла и технологии металлопроизводства в среду населения так называемого присваивающего образа жизни в горно-лесном Зауралье. Представленные выводы базируются на комплексном анализе изделий из металла, керамики, каменной индустрии святилища Шайтанское Озеро II и комплексов коптяковской культуры. Особое внимание уделено модели интеграции различных технологий металлопроизводства – сейминско-турбинской и евразийской (степной). Многочисленные степные знаки в коллекции металла и керамики святилища Шайтанское Озеро II и коптяковской культуры свидетельствуют о вкладе культур степного пояса в формирование коптяковско-сейминского центра металлообработки. Формирование данного центра воспринимается в ракурсе распространения инноваций бронзового века и новых деятельностных схем рубежа III–II тыс. до н.э., вызванных широкими встречными миграциями этого времени.

Ключевые слова: Урал, энеолит, бронзовый век, металл, сейминско-турбинский, коптяковская культура

Ольга Николаевна Корочкова,
Орал федералдық университеті, Екатеринбург қ., Ресей

Орталық Орал ғасырлар бетбұрысында: тастан металға

Аннотация. Таулы-орманды Орал аңғарында меншіктеу өмір сүру салты қалыптасқан тұрғындар ортасындағы металөндіру технологиясы мен металды ендірудің мүмкін болатын моделдеріне назар аударылған. Ұсынылған тұжырымдар коптяки мәдениеті кешені мен Шайтанкөл II ғибадатханасының тас индустриясы, металдан, керамикадан жасалған бұйымдарды кешенді талдауға негізделген. Метал өндірісінің әртүрлі технологияларының сеймин-турбиндік және евразиялық (далалық) интеграция үлгілеріне ерекше назар аударылған. Шайтанкөл II ғибадатханасы мен коптяки мәдениетінің керамикасы мен металл коллекциясындағы көптеген далалық белгілер металөндеудің коптяки-сеймин орталығының қалыптасуындағы далалық белдеу мәдениетінің қосқан үлесін көрсетеді. Бұл орталықтың қалыптасуы қола дәуірінің инновацияларын және осы уақыттың ендік қарама-қарсы көші-қонынан туындаған б.д.д. III–II мыңж. жаңа қызмет схемаларын тарату тұрғысынан қабылданады.

Түйін сөздер: Орал, энеолит, қола дәуірі, метал, сеймин-турбин, коптяки мәдениеті

Olga Korochkova,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

The Middle Trans-Urals at the turn of the epochs: from stone to metal

Abstract. The focus is on possible models of the introduction of metal and metal production technology into the environment of the population of the so-called appropriating lifestyle in the mountain-forest Trans-Urals. The presented conclusions are based on a comprehensive analysis of metal products, ceramics, stone industry of the

---

© 2022 Корочкова О.Н.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-28-00066 «Горно-лесное Зауралье на переломе эпох: от камня к металлу»

Shaitanskoe Ozero II sanctuary and complexes of the Koptyakovo culture. Special attention is paid to the model of integration of various technologies of metal production – Seima-Turbino and Eurasian (steppe). Numerous steppe signs in the collection of metal and ceramics of the Shaitanskoe Ozero II sanctuary and the Koptyakovo culture testify to the contribution of the steppe belt cultures to the formation of the Koptyakov-Seimin metalworking center. The formation of this center is perceived from the perspective of the spread of innovations of the Bronze Age and new activity schemes of the turn of the 3rd–2nd millennium BC. These migrations were caused by the counter-migrations of this time.

Keywords: Ural, Eneolithic, Bronze Age, metal, Seima-Turbino, Koptyakovo culture

Среднее Зауралье представляет собой интересный исследовательский полигон для реконструкции и понимания многообразия социально-экономических альтернатив в рамках дописьменной истории. Регион относится к зоне культур т. н. присваивающего образа жизни. В эпохи палеолита–неолита население здесь было немногочисленным, заметный демографический рост приходится на IV–III тыс. до н. э. Этот период в рамках локальной периодизации относят к энеолиту, хотя, с точки зрения археологической систематики, характера основных индустрий и образа жизни развитие проходило в парадигме каменного века. Позиционирование в рамках энеолита позволяет синхронизировать местные феномены с первыми металлоносными культурами степного пояса, акцентировать внимание на принципиально новых символических практиках, свидетельствующих об активных социальных процессах, протяженных информационных связях с населением сопредельных территорий. В появлении специальных культовых площадок, наскальных изображений, погребений с обилием символических знаков улавливаются ответы на усложнившуюся социальную обстановку, что потребовало выработки новых мировоззренческих адаптаций, которые способствовали устойчивости и поддержанию внутригрупповых альянсов и межгрупповой интеграции. Фактор связей подтверждает феномен Зауральско-Североказахстанской культурно-исторической области [Чаиркина 2005: 290].

Стабильное развитие региона в конце III тыс. до н.э. было прервано экстремальными процессами рубежа атлантического и суббореального периодов, которые вызвали повсеместное заболачивание местных водоемов, что сказалось на устойчивости местных жизнеобеспечивающих стратегий. Как реакции на столь существенные ландшафтно-климатические флуктуации, во многом изменившие образ жизни, исследователи рассматривают появление культовых мест, расположенных в труднодоступных участках заболоченных озер. Они представляли трудоемкие деревянные сооружения с обилием антропоморфных, орнитоморфных и зооморфных скульптур из дерева [Чаиркина и др. 2019: 38].

В это же время в Зауралье появляются металлические предметы, свидетельствующие о втягивании региона в систему связей культур формирующейся Западноазиатской металлургической провинции. Ее специфику на фоне синхронных Европейской, Кавказской, Ирано-Анатолийской, Восточноазиатской, Древнекитайской провинций [Черных 2013: 218–303] отличают: огромная территория, стремительное распространение авангардных технологий, базировавшихся на достижениях мастеров ЦМП и уникальной технологии тонкостенного втульчатого литья, формирование пастушеской модели металлопроизводства, основанной на сезонных циклах поисков, добычи и подготовки сырья для металлургического передела, многоступенчатых стадиях выплавки и рафинирования меди [Богданов 2020; Ткачев 2021].

Одним из ярких феноменов Западноазиатской провинции является трансфер сложных технологий переработки меднорудного сырья и металлообработки в среду таежного населения. Среднее Зауралье в этом смысле занимает особое место, т. к. на его территории сложился самостоятельный коптяковско-сейминский производящий центр [Савинов 2014; Корочкова и др.

2019], который, как предполагают исследователи, базировался на местных рудных источниках. Неопровержимых и убедительных доказательств на этот счет нет, т. к., собственно, на памятниках местной коптяковской культуры бесспорные остатки металлургического производства не выявлены. Но, как это ни покажется странным, данное обстоятельство не является препятствием для проверки гипотезы о местной металлургии. Существовавшая в то время модель пастушеского металлопроизводства объясняет отсутствие подобных знаков логикой многоступенчатых процессов подготовки и переработки меднорудного сырья на основе металлургического передела. Подтвержденные серией убедительных экспериментов технологические алгоритмы основных этапов горно-металлургического производства представлены в серии работ оренбургских археологов [Богданов 2020; Ткачев 2021].

Многочисленные степные знаки в коллекции металла и керамики святилища Шайтанское Озеро II и коптяковской культуры в целом [Корочкова, Спиридонов 2016; Корочкова и др. 2020: 164–165] прямо указывают на вклад культур степного пояса в формирование коптяковско-сейминского центра металлообработки. Формирование данного центра воспринимается в ракурсе распространения инноваций бронзового века и новых деятельностных схем рубежа III–II тыс. до н.э., вызванных широкими встречными миграциями этого времени. Мотивы мобильности западных и восточных мигрантов, судя по характеру и повторяемости археологических знаков и ситуаций на Урале и в Западной Сибири, отличались кардинально [Черных 2009: 244–259; Корочкова 2009]. Западный импульс, отмеченный масштабным освоением Урала скотоводами культур катакомбного круга, стимулировал волго-уральский очаг культурогенеза [Бочкарев 1991]. Восточный обозначен протяженными маршрутами сейминско-турбинских экспедиций. Не обращаясь к деталям различных конфигураций взаимодействий, которые возникали в точках randevu этих встречных миграционных потоков, обратимся к результатам технологических интеграций. Особенно яркое воплощение они нашли в материалах среднеуральского святилища Шайтанское Озеро II. Здесь есть предметы типичного сейминско-турбинского (кельты, ножи-скобели, наконечник копья с цельнолитой втулкой, прорезные рукояти) и евразийского (двулезвийные ножи-кинжалы с ребром/нервюрой и прилитой рукоятью, кельт с несомкнутой втулкой, серп, украшения) облика [Корочкова и др. 2020: 86]. Большая часть предметов отлита из средне- и низколегированных оловянных сплавов. Неустойчивый характер примесей, по мнению специалистов, указывает на использование в качестве легирующих добавок металлического лома [Кузьминых и др. 2015: 90]. Особенный интерес представляют оригинальные изделия, которые неизвестны на других территориях (втульчатые чеканы, ножи-кинжалы с орнаментированной рукоятью). Некоторые из них отлиты без оловянной лигатуры. Морфология и оригинальная рецептура этих предметов позволяют расценивать их как достижения местных мастеров. В этом же ряду можно рассматривать кельты с т. н. ложными ушками и пышным ковровым орнаментом [Корочкова и др. 2015].

Для понимания процессов становления эпохи металла в Среднем Зауралье важное значение имеет несколько обстоятельств. Коптяковская культура на фоне синхронных металлоносных образований занимает ограниченную территорию с малым количеством известных поселений и погребений. Большинство известных памятников приурочены к потенциальным горнорудным узлам – Калатинскому, Тагильскому и Гумешевскому [Корочкова, Устинов 2020: 179–180]. Древние рудники, если они и существовали в эпоху бронзы, оказались в зоне промышленного освоения скарных месторождений в XVIII–XX вв., поэтому для моделирования древнего производства приходится пользоваться косвенными данными. В настоящее время ведется большая аналитическая работа по изучению изотопной подписи местных бронз, что позволит соотнести их с местными месторождениями. Но в любом случае, встает вопрос – здесь была реализована

модель пастушеского металлопроизводства, убедительно реконструированная по материалам Приуральского горно-металлургического центра или какая-то иная? К сожалению, мы не знаем, какие формы горнорудного и металлургического производства практиковались на Рудном Алтае и в Северном Китае – территории, претендующей на родину сейминско-турбинской металлургии и металлообработки. Это очень интересный исследовательский вопрос, который сейчас упирается в недостаточность изотопной базы данных и верифицированных моделей сейминско-турбинской металлургии.

В качестве вполне допустимой гипотезы можно предполагать трансфер пастушеской модели металлопроизводства в горно-лесное Зауралье. На это указывает обилие степных знаков, связанных с ранней фазой алакульской культуры, в металле и керамике святилища Шайтанское Озеро II [Корочкова, Спиридонов 2016; Корочкова и др. 2020: 86, 108–111]. Эту версию поддерживают многочисленные свидетельства очевидных тесных связей горно-лесного Зауралья с миром культур степного и лесостепного пояса, которые сложились в более раннее время.

Не менее интересным является вопрос о механизме интеграции различных традиций литейного дела (сейминско-турбинских и евразийских) в Среднем Зауралье. Они были привнесены сюда в сложившемся виде или являются результатом интенсивного освоения местных меднорудных залежей различными группами населения в кооперации с аборигенными жителями? Заметный архаичный пласт в керамике и каменной индустрии коптяковской культуры самые непосредственные параллели имеет в местных энеолитических комплексах. Есть основания полагать, что внедрение авангардных технологий происходило под влиянием инокультурных импульсов в среду местного энеолитического населения.

В этой части предполагаемых реконструкций мы оказываемся перед своего рода парадоксом. Каким образом могли быть организованы трудоемкие и многоступенчатые процессы металлопроизводства в среде населения, не имевшего стабильных источников пищи, основу жизнеобеспечения которых составляли охота и рыболовство?

Не исключено, что в теплое время года Среднее Зауралье осваивали экспедиционные группы соседних территорий (Прикамье, Нижнее Притоболье, лесостепное Зауралье). На это прямо указывают особенности керамического комплекса и каменной индустрии святилища Шайтанское Озеро II, сочетающих ярко выраженные разнокультурные, а также архаичные и авангардные черты. Симптоматично, что среди известных памятников коптяковской культуры в Среднем Зауралье нет ни одного, керамика и каменные орудия которых бы в полной мере соответствовали артефактному собранию святилища. Они представляют лишь некоторые блоки из целого ряда составляющих его культурных компонентов.

Выдвинутые варианты в настоящее время не более чем версии, которые нуждаются в убедительной проверке и именно это составляет основу работы исследовательской группы Уральского федерального университета, ориентированной на реконструкцию чрезвычайно редкой в рамках Северной Евразии модели становления металлообработки в среде охотников и рыболовов.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов С.В. Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 6-14.
- Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб.: Наука, 1991. С. 24-27.
- Корочкова О.Н. Культурные интеграции позднего бронзового века: факторы, темпы, модели // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 40-49.

- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа // Вестник КемГУ. 2015. № 2–6 (62). С. 61-67.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А.* Степные знаки в металле святилища Шайтанское Озеро II // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 68-76.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А.* Среднее Зауралье в контексте Западноазиатской металлургической провинции: феномен коптяковской культуры // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 2. С. 61-107.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А.* Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. 214 с.
- Корочкова О.Н., Устинов А.А.* О потенциальной медно-рудной базе коптяковско-сейминского центра металлообработки // Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. С. 172-180.
- Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б.* О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал) // КСИА. 2015. № 241. С. 89-94.
- Савинов Д.Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 91-99.
- Ткачев В.В.* Концепция культурного ландшафта в ретроспективе эпохи поздней первобытности (по материалам позднего бронзового века Южного Урала) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 2. С. 53-67.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.
- Чаиркина Н.М., Райнхольд С., Хойсснер К.У., Мариашк Д., Вилисов Е.В.* Датировка, контекст, интерпретация нового деревянного сооружения VI Разреза Горбуновского торфяника // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 30-39.
- Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Черных Е.Н.* Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Ғылыми басылым

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 1 том. 312 б.

Научное издание

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 1. 312 с.

Scientific edition

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 1. 312 p.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 15.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 32,8. Calibri гарнитурасы. Таралымы 140 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.08.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 32,8. Гарнитура Calibri. Тираж 140 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 15.08.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 32,8. Calibri headset. Circulation 140 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online